

ДАТА

Ольга МАРТЫНЕНКО

Последний поэт империи

Он умер в январе, в начале года — десять лет назад эту строчку из стихотворения Бродского 1965 года памяти английского поэта Томаса Элиота цитировали повсеместно, увидев в ней оттенок зловещего предсказания. Понятно, что в 25 лет Бродский ни о чем подобном и не помышлял. Но, как заметил он позже и по другому поводу, «единственный способ предсказать будущее с какой бы то ни было точностью — это когда на него смотришь сквозь довольно мрачные очки».

О Бродском написано несметное количество исследований и воспоминаний. Наиболее достоверной представляется книга писателя — историка культуры Соломона ВОЛКОВА «Диалоги с Бродским». Чем объясняет автор не иссякающий интерес к личности великого поэта?

— Как раз для меня, — возражает он, — этот вопрос не такой бесспорный. Я в последнее время все чаще читаю рассуждения людей из поэтической российской элиты о том, что Бродский устарел и устарела сама идея поэта как примера.

Но свято место пусто не бывает. Нам всегда подсказывают, как себя вести, и это делает сейчас главный учитель — телевизор. Харизматические личности, подобные Бродскому, рождаются не каждый день. Русской поэзии в XX веке повезло. Взять хотя бы большую четверку — Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, Пастернака. При том, что каждый из них подвергается непрерывным попыткам демонтажа, для меня они, как и Бродский, остаются ориентирами повседневного поведения. Он в моих глазах не только ориентир, но и предмет изумления: я не могу понять, как сложилась такая многогранная личность.

— Сколько времени вы встречались с Бродским?

— 18 лет.

— И за эти годы вы не нашли ответа: что же помогло ему стать тем, кем он стал?

— Я навсегда запомнил, как Артур Миллер, которого при мне спросили, как ему удается сохранять великолепную форму (а он не дожил полутора до 90), ответил: главное — правильно выбрать родителей.

Когда я пытаюсь определить, ка-

ким был Бродский, у меня получается цепь взаимоисключающих понятий, потому что он мог быть капризным, вспыльчивым, нетерпимым, подозрительным, мстительным. Но точно так же я знал его щедрым, добрым, отзывчивым и даже ласковым. Теоретически эти свойства не должны совмещаться в одном человеке, но, глядя на Бродского, я вспоминал о словах Уолта Уитмена, который говорил, что он вмещает в себя множества (multitudes). Бродский был одним из таких людей. Я

иногда наталкиваюсь на описание позднего Бродского, которые подчеркивают, какой он был старый, некрасивый. Я его видел совсем другим. Как-то я встретил его на улице, он рассекал толпу, как броненосец, был очень красив и напомнил мне известный снимок Маяковского, идущего по площади в Москве в кепке, в пальто с поднятым воротником, весьма щеголеватый. Между ними, кстати, было общего больше, чем об этом принято говорить. В Бродском, безусловно, был очень

Иосиф Бродский. Фото Марианны Волковой

ПРОШЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИОСИФА БРОДСКОГО, НО ЕГО МЕСТО НА МИРОВОЙ АРЕНЕ НЕ ЗАНЯЛ НИКТО

силен эмоциональный элемент, но основное — мощь его интеллектуальной машины. В моей жизни были собеседники, которых можно определить словом «гении», и с точки зрения творчества они были фигурами не менее значительными, чем Бродский. Но как интеллектуальная машина, когда она раскручивалась на моих глазах (у меня от этого физически дух перехватывало, я до сих пор помню это ощущение), он был на голову выше всех остальных, с кем мне повезло встретиться.

— Как вы оцениваете его отношение к обществу и власти?

— В этом смысле он являет собой редкостный образец сочетания интеллектуальной мощи с колоссальной интуицией. Он прошел жизнь, крайне редко ошибаясь в выборе правильных шагов. В той жесткой ситуации, которую мы с вами еще помним, а новое поколение уже плохо себе представляет, он обошелся абсолютным минимумом компромиссов. По отношению к большой четверке поэтов Бродский занимает выигрышную позицию. Они жили в гораздо более страшное время, но когда думаешь о том, как вели себя сверстники Бродского, приходишь к выводу, что они спотыкались в тех ситуациях, из которых он выходил не замаранным.

— Наверное, у него было больше развито чувство брезгливости.

— Передо мной лежит книга, приложенная немецким специалистом по Бродскому Йенсом Хертлом «Певец изломанных линий». Это толстый том в 435 страниц, где детально и очень тщательно анализируется, как Бродский выстраивал свою биографию. Он, безусловно, этим сознательно занимался, у него был замечательный учитель в лице Анны Андреевны Ахматовой. Думаю, если он чему научился у нее, так не

поэтическим приемам, а этому мифостроительству. Он бы не попался на те крючки, на которые ловились иные его современники. У него было высоко развито чувство моральной чистоплотности и, да, брезгливости, что оказало ему хорошую жизненную услугу.

Я никоим образом не рассматриваю Бродского как универсальную модель для всех. Но для меня он был одним из первых учителей на Западе. Он всегда говорил, что мы здесь никому не нужны — ни государству, ни обществу, никому. Понимание своей роли приватного лица Бродский иронически выразил в надписи на книге, подаренной Собчаку: городскому голове от городского сумасшедшего.

— Но, сознавая себя сугубо частным лицом, Бродский стал на Западе влиятельной фигурой.

— Более того. Он оказался важным игроком в мировой культуре. За железным занавесом в Советском Союзе все шло на два счета — мировой и внутренний, и очень многие советские деятели культуры даже не пытались встраиваться в общемировую культурную иерархию. Бродский был своим человеком в этой сфере. Уже 10 лет как он умер, а его место не занял никто. Он чувствовал себя как рыба в воде среди той группы деятелей западной культуры, которая влияла на ее развитие. Например, он точно предсказывал, кто будет следующим Нобелевским лауреатом по литературе. Потому что у него был доступ к тому избранному кругу людей, от которых зависела эта ситуация.

— При том, что его не покидали мысли о «возлюбленном отечестве». «Русский литератор, — говорил он, — никогда от народа не отделяется», — и приводил в пример Цветаеву, которая нищенствовала в Гражданскую войну, как все.

— Он и сам был такой, хотя его любят зачислять по элитарному ведомству. Он был настоящим патриотом, для него это не было приспособленчеством. И его рассуждения о единстве поэта с народом абсолютно искренние. Бродский был один из многих, никакой опыт его не миновал: ни сума, ни тюрьма. Но в итоге эта параболка вывела его на международную космополитическую орбиту, где он тоже оказался своим.

Иногда спрашивают, верил ли Бродский в Бога? Божеством, в которое он верил и которому поклонялся, был язык. Себя он считал жрецом этого божества.

ОТРАЖЕНИЯ

Юрий АРПИШКИН

Слово «прогулки» в данном случае лишено всякой метафорической приподнятости, и это кажется глубоко принципиальным. Авторы фильма Елена Якович и Алексей Шишов снимали в 1993 году Иосифа Бродского и его давнего друга замечательного поэта Евгения Рейна в Венеции. Бродский увлеченно и вдохновенно рассказывал спутникам о городе, который так ярко запечатлен в его стихах и прозе. Идея снимать Бродского на фоне Лагуны и Санта Марии делья Салюте могла показаться несколько избыточной. Но сегодня зритель не может не думать: какое счастье, что этот не лишенный банальности замысел реализовался. О Бродском слишком много написано, слишком широко растражированы его биографии

Слушая Бродского

28 ЯНВАРЯ КАНАЛ «КУЛЬТУРА» ПОКАЖЕТ ФИЛЬМ «ПРОГУЛКИ С БРОДСКИМ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

разнообразные парадоксы. Кажется, смешным рассчитывать узнать об этом человеке что-то новое. И вот глядя на его экранный образ, слушаю его комментарии по разным поводам, не устаешь удивляться какой-то вечной, непреходящей остроте его реакций и значительности высказываний. Образ поэта, уже так сказать тронутый хрестоматийным глянцем, на глазах возрождается и обретает живые черты. Впрочем, черты хрестоматийные тоже никуда не деваются. В лице Бродского история русской литературы, возможно, в последний раз имела дело с писателем, осознающим свои миссионерские

обязанности. «Было ощущение, что, говоря с нами, он обращается ко всем, кто его знает и любит в России», — сообщает закадровый голос. Это верное ощущение, но следует сделать принципиальную поправку. Не к тем, кто «знает и любит», а к любому, кто способен слышать и думать. В этом фильме, вероятно, впервые подробно зафиксированы высказывания Бродского о политическом устройстве России, которая страдает от отсутствия разумных писанных законов. Когда, по традиции, на это возразили, что законы есть, но они не оказывают на общество должного воздействия, Бродский с легкостью

парировал — не оказывают, так okazут, но не при нашей жизни. В этот момент явственно понимаешь, что такое жизнь в толще истории и как ее осознает поэт. Еще один важный урок Бродского, в освоении которого помогает фильм, заключается в понимании культуры как мира познаваемой и практически полезной красоты. Материальная культура не объект восторженного созерцания, но то, что помогает выживать и думать. Венецианские пейзажи не туристические достопримечательности, а стимул к постоянной, трудной интеллектуальной работе. Мы видим, как она происходит, и мо-

жем открыть для себя нечто, чего раньше не замечали и не смогли бы заметить без посредничества поэта. О чем бы он ни говорил — об итальянской архитектуре, о русской просодии, о музыке Перголези, — наблюдатель понимает, что речь идет о самых важных материях, имеющих непосредственное отношение к жизни всякого человека. И сам Бродский не уставал это подчеркивать. Один из самых драматических эпизодов фильма — это диалог с Евгением Рейном в старом венецианском палаццо о русском четырехстопном ямбе: «Четырехстопник с мужскими окончаниями своей интонацией и автора, и читателя сильно к чему-то обязывает, а с женскими окончаниями — извиняет». Рейн спрашивает авторов фильма, не надо ли им эти герметические разговоры. На что Бродский отвечает: «Это самый главный разговор, который может на этом свете быть». И трудно ему не поверить.